

АЛЕКСЕЙ КАСМИНИН

720 ЧАСОВ

РАССКАЗ

Каждый изгиб дороги заставлял Ольгу внутренне сжиматься. Ей казалось, что асфальт покрыт тонким слоем масла, настолько плавно двигался автомобиль. И если вдруг впереди возникнет крутой поворот, колёса соскользнут, и машина улетит в кювет, отчаянно кувыркаясь, и внутри салона не останется ничего живого.

Ольга сидела в переднем пассажирском кресле, большую часть пути она провела с повязкой на глазах. Потом водитель сказал, что она может развязать свёрнутую вчетверо тёмно-зелёную бандану. Девушка медленно охватила пальцами узел на затылке. Какой же он тугой. Пальцы плохо слушались, ногти упирались в складки неподатливой ткани и отзывались неприятными, почти болезненными ощущениями. Никак не поддаётся! Ольга напряглась, почувствовав, как внутри отзывается злость. Это чувство подарило ей крохотный прилив сил. И пальцы вдруг, будто бы осознав, что от них требуется, на мгновение крепко сжали узел и потянули его в разные стороны. Девушка избавилась от повязки, она снова могла видеть, но не проявила особого любопытства. Мельком бросив взгляд на кожаный салон и лицо водителя, Ольга погрузилась в полудрёму. Вёз её тот же человек, который приносил ей еду во время заключения в санатории.

Ольга сама для себя называла то место именно санаторием. Белый трёхэтажный дом с колоннами, расположенный на берегу Чёрного моря, где ей

КАСМИНИН Алексей Иванович родился в Москве в 1988 году. Большую часть жизни также провёл в этом городе. Отучившись в общеобразовательной школе, поступил в МАДИ, который закончил в 2009 году. В настоящее время является корреспондентом газеты "Завтра".

был отведён просторный номер. В нём было две комнаты и ванная. Мебель не из дешёвых: стол из массива дуба, кожаный диван, дубовая кровать, шкафы. У Ольги было достаточно времени, чтобы удостовериться, что это не фанера, покрытая шпоном.

Но в этом номере не было ни телевизора, ни интернета. Рядом с окном стоял книжный шкаф, на резных дверцах которого она запомнила изображение летящих ласточек. Между крыльями птиц, везде, где мастер полностью вынул резцом дерево, были вставлены стёкла синего цвета, повторяющие форму вырезов. Какие в этом шкафу хранятся книги, Ольга узнала чуть позже. В первый день с её головы не снимали чёрного мешка. Несколько мучительных часов она просидела, примотанная скотчем к стулу. В сознании роились отрывистые воспоминания о вчерашнем дне. Хотя вчерашнем ли? И ничего, что могло бы указать на причину, по которой она оказалась в таком положении.

Ольга громко всхлипывала, надеясь, что если за ней кто-то следит, он не сможет оставаться бесстрастным до бесконечности. Больше всего она боялась быть запертой в заброшенном доме где-нибудь на окраине города наедине с крохотной камерой видеонаблюдения, которая день за днём будет следить за тем, как Ольга умирает от жажды и голода. Из её глаз лились настоящие, непритворные слёзы. Она молила о пощаде, но слышала в ответ лишь собственное дыхание, пойманное плотным мешком. Попытаться сдвинуть стул было слишком страшно, поскольку неизвестно, что вокруг — вдруг там битое стекло или обрезки колючей проволоки для пущей забавы учителей.

Ольга просила отпустить её, ведь она — никто, всего-то готовится пойти в одиннадцатый класс. Родители работают на государственной ферме, с них нечего взять. Слыша в ответ всё ту же тишину, она срывалась в рыдания. Что, если цель здесь проста — части ее молодого, здорового тела? Прямо сейчас неизвестные могут точить старые стальные скальпели, медленно сводить и разводять причудливые щипцы, которые выхватят из её тела ценные куски плоти.

Когда защёлкали замки, Ольга смолкла. Едва дыша, девушка ловила каждый шорох. Кто-то подошёл совсем близко. Мешок на голове наполнял звуки бархатом, шаги неизвестного казались поступью лап огромного кота. Губы Ольги задрожали.

Неизвестный прошёлся по комнате, с глухим стуком поставил что-то на стол.

— Если хотите резать, убейте... Сначала... — Ольга хотела сказать это бесстрастно, но духу ей хватило только на три слова, остальные застряли в горле и их пришлось выталкивать, борясь с ужасом.

Послышался вздох досады, и вскоре неизвестный снял с её головы мешок. Ольга долго шурилась — всю комнату заполнил оранжевый свет закатного солнца. Незнакомцем оказался мужчина, которому Ольга дала бы лет сорок. Нос — картошкой, короткая мягкая русая борода, усы, свешивающиеся на верхнюю губу. Растерянные голубые глаза. Ольга всматривалась в них чуть дольше, чем в остальные черты лица, опасаясь увидеть там животный блеск, огоньки предвкушения плотского пира. Но нет, в комнате стоял обыкновенный мужик, которого так и хотелось записать в деревенские жители. Области эдак из Владимирской.

И надо сказать, что он растерялся не меньше Ольги, но дело своё знал.

— Если я освобожу тебя, ты не начнёшь бедокурить? — спросил он, чётко выговаривая слова на удивление ясным голосом, будто бы принадлежавшим другому человеку.

Ольга перевела дыхание и слегка кивнула. Он достал из кармана складной нож и разрезал скотч одним аккуратным движением.

— Сейчас потерпи, я постараюсь осторожно отодрать, — сказал он.

Ольга отрывисто кивнула. Он отлепил скотч от её рук настолько медленно, насколько мог, но девушка всё равно почувствовала жжение. Скотав скотч в бесформенный шар, он швырнул его поближе к двери. Он был одет в простые синие джинсы и голубую майку. Его одежда чем-то походила на форму уборщиков из западных фильмов, тех, кто под покровом ночи катит

свои тележки со швабрами по пустынным офисным коридорам. Не хватало лишь бейсболки.

Этот уж точно не был уборщиком. Бойцом спецназа — быть может. Он не пытался продемонстрировать свою агрессию или силу, но что-то в его облике словно заявляло: “Эй, осторожнее, я не так прост, как может показаться”. Сложно представить себе медведя в человеческом облике, протирающего тряпочкой из микрофибры офисный галюон. Габариты не те. И всё же, оказавшись в комнате с юной особой, требующей убить её, перед тем как резать, он растерялся, хотя это никак не отразилось на его движениях, плавных и неспешных.

Он постелил на дубовый стол скатерть, переставил с подноса три тарелки. — Ужин, — сказал он, повернувшись к Ольге спиной.

Та всё ещё шурилась, потирая ладонями локти. Девушка не знала, как ей реагировать. Но комната, в которой она оказалась, ничем не пугала её. Ольга молча ждала, что будет дальше.

А он просто пригласил её к столу. Сам же взял один из стульев и уселся посреди комнаты. Он больше не выглядел растерянным, скорее — учтиво сосредоточенным. Ольга увидела на столе картофельное пюре, куриного филе, капустный салат и небольшой шоколадный кекс, дождавшийся своего часа на крохотном белом блюде. Она недоверчиво ткнула вилкой пюре. Голод требовал от неё немедленных действий, но сознание твердило что-то о ядах и других химических веществах, которые могли оказаться в еде. О веществах, способных мгновенно превратить её в похотливую шлюху, веществах, лишаящих тело подвижности, усиливающих во много раз физические ощущения... Все это говорило ей сознание, пока Ольга жадно отправляла пюре в рот, вилку за вилкой. Как давно она не ела? Давно. Не обращая внимания на нож, девушка откусывала куски куриного филе, целиком поднимая его на вилке.

— Приготовить чай? — спросил “мучитель”, сидевший до этого молча. Замешкавшись на секунду, Ольга прогукнула что-то одобрительное.

Он вышел, заперев за собой дверь на все замки. С минуту девушка продолжала уплетать свой ужин, затем спохватилась. Она вскочила со стула, подбежала к окну, за стёклами — море, закат. Попробовала открыть окно. Получилось. Выглянула — третий этаж, а потолок здесь ой какие высокие. Ольга осматривала занавеску, когда дверь вновь открылась. “Конвоир” принес фарфоровый заварной чайник и одну-единственную чашку.

— Закрой окно, — сказал он ровным голосом.

Ольга побледнела. Сейчас её должны избить. Сердце отсчитывало секунды, а мозг решал, прыгать вниз или нет.

— Закрой окно, — тембр его голоса внезапно изменился, в нём появились мягкие, просительные нотки. Ольга как-то машинально, словно исподволь, прикрыла окно, задвинула шпингалет.

— Послушай меня, — продолжал он, — я не причиню тебе вреда. Более того, ты здесь находишься для собственной безопасности.

Ольга жалобно посмотрела ему в глаза, но он не отвёл взгляда.

— Меня зовут Фрол, извини, что сразу не представился.

— Отпустите меня! Зачем вы связали мне руки? Зачем я здесь? — спросила Ольга, отходя от окна.

— Опасения, — сказал мужик, ставя чайник на стол.

Ольга не понимала. Чего он боится? Худенькой семнадцатилетней девчонки?

— Но теперь всё улажено?

Фрол опустил глаза.

— Нет, ничего ещё не улажено. Боюсь, тебе придётся смириться с тем, что будет дальше.

— То есть? А что будет дальше? — голос Ольги задрожал.

— Какое-то время тебе придётся пожить здесь.

На столе стоял недоеденный ужин. В чайнике остывал чай. Ольга какое-то время молчала, выбирая вопрос. Она боялась вывести своего охранника из себя.

— Зачем я здесь? — снова спросила она.

— Тут до тебя не доберутся.

— Кто? Кому я нужна-то?

Фрол приподнял брови, будто бы собирался сказать что-то воодушевляющее, но, не меняя тона голоса, лишь произнёс:

— Пока оставим эту тему. Будешь доедать ужин?

Ольга медленно вернулась за стол. Чувство голода притупилось, но девушка не знала, когда ей в следующий раз принесут поесть. Она прикончила остывшее пюре, филе, капусту, поставила перед собой кекс. Фрол налил в чашку чай.

Ольга мрачно смотрела в окно, держа чашку обеими руками. Солнце превратилось в кровавый диск, бросавший на сиреневые обои комнаты красные отблески, будто бы в отчаянии, будто бы в последний раз стараясь окрасить мир в яркие цвета. В голове девушки роились вопросы, которые она никак не могла решиться задать.

Когда солнце скрылось за кромкой моря, а в чайнике закончился чай, Ольга сделала ещё одно открытие: в её номере не было ни люстры, ни светильников. Пока она недоумённо шарила взглядом по стенам, пытаясь найти хоть одну розетку, Фрол достал из шкафа несколько белых свечей и четыре подсвечника.

— Почему? — полушёпотом спросила Ольга.

— Сети опасны, — ответил Фрол глубоким низким голосом.

Он медленно расставил свечи, зажигая их одну за другой. Ольга смотрела, как на фитилях вырастают рыжие огоньки. За окном наступала в свои права южная ночь. Надрывались сверчки. Тьма была абсолютная, луна сегодня словно бы и не должна была появиться. Ольга почувствовала, как внутри вновь просыпается страх. Слишком странным был этот человек, молча стоявший у двери, пока она пыталась справиться со своим страхом. Он зажёл свечи спичкой, погасил её и убрал в крохотный металлический коробок, который поставил на стол рядом с подсвечником. Что значит “сети опасны”? Уже ночь, а она всё ещё здесь, чёрт знает в скольких километрах от дома.

— Ты, наверное, очень устала, перенервничала? — поинтересовался Фрол.

Ольга сидела на стуле и не двигалась, борясь с желанием подтянуть к себе ноги и обхватить их руками.

— Я вернусь утром. Кровать в другой комнате.

Ольга ничего ему не ответила, она продолжала сидеть на стуле, будто бы оцепенев.

— Оставайся здесь. Что бы ни случилось, не покидай номера, — сказал Фрол на прощание.

Свечи медленно уменьшались. Это были какие-то необычные свечи: не парафиновые и не восковые. И так долго горят... Ольга смотрела на них, размышляя, что будет, если она подождёт занавески. Прибежит ли Фрол немедленно или объявится лишь утром, чтобы найти её обугленное тело? Оставшись одна, девушка подобрала, наконец, ноги, обняла их и уткнулась в колени лбом. К горлу подкатывал комок, на глаза наворачивались слёзы. Теперь отец точно накажет. Будет до посинения орать, пытаясь выбить из неё ответ на вопрос: где ты была всю ночь?! А старшая сестра будет ещё пару месяцев отпускать в её адрес колкости о подростковой беременности. Ну и пусть! Пусть хоть изрубят лозинами, пусть на цепи сволокут к врачу на осмотр или под венец с каким-нибудь незадачливым парнем, но только бы оказаться дома. А не здесь, в этом проклятом номере, наедине с этим Фролом, который, как некая неодолимая сила, будто бы и сейчас стоял за её спиной. Стоял, молчал и наблюдал. Следил, чтобы пленница не выскочила в окно.

Слёзы отчаяния отнимали последние силы, пока огонь медленно пожирал свечи. Голова Ольги заполнилась тупой непроходящей болью, грудь сотрясали нервные всхлипы. Но она продолжала будоражить в себе чувства обиды и досады, словно надеясь, что её отчаяние каким-то образом изменит реальность и вернёт всё на свои места. Но кроме страха, внутри Ольги просыпалось пряное любопытство. Впервые в жизни она оказалась так далеко

от дома, без родителей. На прощание Фрол сказал: "...для твоей же безопасности". Такие слова не принадлежали миру Ольги, они обычно прятались на страницах книг или лились из монодинамика старого китайского телевизора, как отголосок какой-то другой жизни. В той, другой жизни по утрам не орали голодные свиньи, не приходилось топтать по ледяным деревянным полам к умывальнику с холодной водой. До школы не нужно было добираться заснеженной степной дорогой, борясь с пронизывающим ветром, который всё сильнее разгонялся на степных просторах. Та, другая жизнь принадлежала странным, наполненным тайными смыслами людям и обстоятельствам, гораздо более живым и настоящим, чем вся Ольга реальность.

К середине ночи свечи погасли. В темноте Ольга встала со стула. Едва не падая от усталости, побрела в другую комнату. Что-то внутри неё твердило: ты должна бояться, должна цепенеть от страха. Но её всё больше захватывали усталость и отрешённость. Они заполняли сознание Ольги какой-то мрачной озлобленностью. Своими робкими шагами в темноте незнакомого номера она будто говорила миру: "Давай же! Покажи мне, почему сети так опасны! Ну, что сейчас будет? Меня поглотят стены? Меня кто-то схватит за ногу?". Образ холодной руки, выныривающей из тьмы и хватающей Ольгу за её тонкие девичьи лодыжки, оказался куда убедительней абстрактных страхов: ей по-настоящему стало жутко и холодно, её пробил озноб.

Добежав до кровати, Ольга юркнула под одеяло, не снимая покрывала. Постель тоже была холодной, но от накрахмаленных простыней веяло приятной свежестью. Несколько минут Ольга не двигалась, прислушивалась к звукам. Сверчки стрекотали монотонно и тоскливо, будто им и самим эти звуки порядочно надоели. И больше она не слышала ничего.

Немного согревшись, Ольга стянула с себя выцветшую футболку и шорты, бывшие когда-то джинсами. Оставшись в одном белье, она сбросила одежду на пол у кровати. Затем спряталась под одеяло с головой. Хотелось сходить в туалет, но от мысли, что придётся вылезти из-под одеяла, из только что обретенного тепла и идти в темноте, она всё же решила ещё потерпеть. В таком состоянии тупой нерешительности Ольга незаметно для себя провалилась в сон.

Только на рассвете Ольга встала, прошла в туалет, потом спустила воду в унитазе, наклонилась к раковине, умылась, взглянула на себя в зеркало. Смотрела с минуту, наслаждаясь расслабленной дремой и покоем этого пред-рассветного часа. Почему-то обстоятельства, ограничившие её свободу, подарили ей чувство отрешённого, комфортного безразличия ко всему. Ольга придирчиво осмотрела кончики своих каштановых волос. Нет, ещё не секутся. Волосы доставали ей до плеч, а спереди были обрезаны в ровную чёлку.

Она постояла у зеркала ещё немного, заметила зубную пасту и запечатанную зубную щётку в зелёном стеклянном стаканчике на полке рядом с раковиной. Затем открыла окно с матовым стеклом. В комнату хлынул густой влажный воздух, от которого даже слегка сдавило горло. Вокруг *санатория* росли старые каштаны. Меж ними шла узкая асфальтовая дорожка. И если проследить за ней взглядом, можно было увидеть море. Сейчас оно было странного цвета и почти не отличалось от пред-рассветного неба, затянутого лёгкой туманной дымкой.

Ольга закрыла окно и вернулась в постель. Заснула она, лёжа на спине, вытянув руки вдоль тела поверх одеяла.

Фрол пришел ровно в десять. Увидев, что дверь в спальню распахнута, он учтиво постучал по деревянному косяку. Ольга среагировала мгновенно, натянув одеяло до самого носа.

— Вот одежда, бельё... — сказал Фрол, раскладывая шуршащие упаковки на краю кровати.

Ольга следила за ним молча. Ещё мгновение назад она спала, пребывая в счастливом неведении, и надеялась проснуться в своей постели тёплым июньским днём. Шла только первая неделя её последних школьных каникул, и вот она очнулась запертой в номере неведомого *санатория*.

— Я уйду на полчаса, — сказал Фрол, — потом принесу завтрак. Ты пока переоденься.

— Прямо сюда? — спросила Ольга в тайной надежде, что ей разрешат выйти из номера и позавтракать где-нибудь в столовой. А там, глядишь, найдутся другие люди. Ситуация прояснится. И тогда уж рукой подать до свободы. Или можно будет хотя бы понять, чего от неё, собственно, хотят.

— Да, — сказал Фрол, собираясь уходить, — прямо в номер.

Ольга хотела спросить про столовую, но вопрос застрял у неё в горле. Он показался ей таким неуместным в этих комнатах без электричества, где вместо лампочек по ночам жгли свечи. Сонная нега уже покинула тело, и вместо неё в мышцы возвращалось нервное напряжение.

Полчаса ушли на душ, причёсывание и переодевание.

Три одинаковых комплекта простого белого белья. Размер подобран идеально. Выяснив это, Ольга слегка закусила нижнюю губу. Неужели Фрол успел определить его на глаз? Или, пока она была без сознания... Девушка с досадой вздохнула и решила на время эту мысль отодвинуть в сторону. Фрол принес ей синий спортивный костюм, две белые футболки, шорты цвета хаки и джинсы. Она выбрала шорты и футболку.

Когда Фрол вернулся с завтраком, удостоверившись, что Ольга приняла душ и переделалась во всё новое, он собрал её прежнюю одежду и упаковал в чёрный целлофановый пакет с герметичной пластиковой молнией, затем ещё в один и ещё. Ольга не придала этой тройной упаковке особого значения. Мало ли какие здесь правила. Своей старой одеждой она не очень-то дорожила, считая её, впрочем, справедливо, обносками.

За окном стояла пасмурная, но жаркая погода. На завтрак был подан салат из огурцов и помидоров, рис с мясом и подливкой и компот. На первый взгляд — в точности школьный паёк. В восьмом классе в Ольгиной школе ввели обеды. Платить за них должны были родители, причём обходились они раз в пять дороже стоимости входящих в них продуктов. Один месяц учеников кормили бесплатно, надеясь таким образом закрепить этот каждодневный процесс. Не вышло. Ольга навсегда запомнила слипшийся сладковатый рис и куски мяса, больше похожие на шинкованную подошву. Но завтрак, принесённый Фролом, был изумительным. Ольга не представляла даже, что простой рис может быть таким рассыпчатым и богатым оттенками вкуса. А может быть, она просто успела здорово проголодаться.

Когда девушка поела, Фрол убрал посуду и молча положил на стол перед ней газету.

— Первая полоса, — сказал он.

Ольга откинулась на спинку стула и развернула газету, сложенную пополам. Она знала её с детства. Это была районная газета, в которой, кроме прочего, печатали и сельские некрологи. На последней полосе печатали никуда не девшиеся после развала Союза графики надоев и приплода скотины, а в августе — ещё и обязательные гонки *борьбы за урожай* между фермерскими хозяйствами, с фотографиями комбайнёров на сжатом поле. Где-то внутри неё была спрятана программа кабельного телевидения. Правда, её могло и не оказаться, если вдруг надо было написать о заслугах главы округа.

Но не в этот раз. На первой полосе огромными чёрными буквами написано “Чрезвычайное происшествие в станице Старомышастовская”. Ольга напряглась. Справа под заголовком поместили фотографию её дома. Она попыталась сосредоточиться и прочесть статью от начала до конца. У неё вспотели ладони, взгляд то и дело перескакивал со строки на строку, словно она старалась осмыслить всё написанное мгновенно, минуя процесс чтения.

На первой полосе сообщалось о том, как некий дед приехал к своему приятелю на мопеде, чтобы порыбачить в плавнях, которые начинались там, где заканчивался огород приятеля. Прихватил, понятное дело, и чекушку. Обычное вроде бы начало, но Ольга прекрасно знала, что *приятель* — это дед Михай, который разводил кроликов и давал местной детворе с ними поиграть. Летом раз в несколько дней к нему являлся дед Василь из соседней станицы. Рано утром они натягивали старую простыню между двумя ивами, чтобы восходящее солнце не напекло голову, садились на раскладные стульчики и тихо рыбачили, держа в руках тростниковые удочки. Чекушка стоя-

ла рядом, но она была скорее данью традиции, чем *суровой необходимостью*. Тем не менее, к полудню она, как правило, пустела.

Дед Василь приехал, как обычно, в пять утра, заглушил мотор и прислонил мопед к забору. Громко проорал: “Михай!”. И в тот же момент почувствовал неладное. Слишком тихо было вокруг. Не кричали петухи, не мычали коровы, не слышно было даже воробьёв в кустах черёмухи, росшей у обочины.

Тогда дед Василь открыл калитку, которая никогда не запиралась. Во дворе у ворот лежал мёртвый Тузик. Ольга знала этого пса, лаявшего на всех прохожих, даже если они шли по асфальтовой дороге в десятке метров от забора. Границу своих владений Тузик охранял в том числе и от посторонних взглядов. На первой полосе была сделана небольшая врезка: экспертиза выявила, что у пса отсутствовали глазные яблоки, пищевод, язык, а из его тела выкачали всю кровь. Ольга вздрогнула.

Дед Василь бросился в дом и обнаружил, что дом пуст. Кровать не заправлена, будто бы дед Михай отлучился на несколько минут, шлёпанцы оставлены у порога, штаны висят на стуле. Дед Василь побежал к соседям так быстро, насколько позволяли ему его старые ноги. Дозваться их он не смог, а дверь была на засове. Тогда он проковылял дальше по улице, к дому тракториста, у того дверь нараспашку, в проёме — москитная сетка. Долго звал — никакого ответа, а ведь в пять Митька всегда уже на ногах, до работы нужно покормить и скотину, и гусей... Из хлева ни звука. Тишина стояла полнейшая.

Дед Василь не на шутку испугался. Даже не стал к Митьке в дом соваться, добрался до мопеда, кое-как завёл его и помчался к полицейским. Нашёл постовых у асфальтовой дороги, те сначала всё пытались внушить ему, чтобы не мешал им нести дежурство своими рассказами. Но убедившись, что дед-то трезв, задумались, а предпринимать что-нибудь не особенно-то спешили.

Наряд в Старомышастовскую выслали только в полдень. В станице — никого. Все исчезли. И стар, и млад. На окраине праздновали скромную свадьбу, стол, выставленный во двор, так и остался стоять нетронутым. Угощением побрезговали даже птицы, которые, казалось, облетали эту станицу стороной.

В четыре часа дня в Старомышастовскую прибыли фотограф и корреспондент газеты. Всю вторую полосу занимали фотографии. Безголовые цыплята, выложенные ровными рядами, свиньи без ушей, со вспоротыми животами, валяющиеся в хлеву. Подпись под картинкой: “Замки были не тронуты, их вскрыли полицейские”. Коров нашли около пологого кургана в пятистах метрах от крайнего станичного дома. У животных были отняты глаза, веки и зубы. Ольга посильнее сжала губы, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Корреспондент сообщил, что на коровьих тушах не было обнаружено ни одного опарыша, и это в июньскую-то влажную жару! Даже мухи к ним не подлетали. И далее все описания были похожи: кролики, гуси, козы, индюки — все мертвы, обескровлены, из тел изъяты различные органы. Полицию обнадёживало отсутствие человеческих трупов, хотя объяснить, куда исчезли люди из запертых изнутри домов, никто не мог. Начали прочёсывать район, результатов никаких.

Третья полоса — рассказы очевидцев. У первого материала стоит фото — перепуганный дед Василь глядит прозрачными осоловевшими глазами в камеру. И побрился специально для такого случая. Дальше — баба Лиза из соседнего села, не пожелавшая сообщать свою фамилию и отчество, на треть полосы расписывала собственные переживания в ночь на пятнадцатое июня. В полдесятого легли спать, сразу после последних известий, но в два они с мужем были разбужены странным звуком, похожим не то на свист, не то на треск. “Рыпит жутко так, ажно в голове всё рыпит!.. Знаете, воно так рыпит, что хоть уши затыкай, хоть не затыкай”, — говорила она. Выбежали во двор, а уже тишь стоит. И свечки смолкли. Да как страх нападёт-то. Такой, что забежали в дом, зажгли свет, заперли двери на все замки, заперли ставни на засовы, сидели до петухов в духоте, молились, чтобы миновал их этот ужас ужасный.

Турист-рыболов из Москвы рассказывал, как в два часа ночи прокатился по плавням какой-то странный стрекочущий свист, после чего клёв как отрубил, а совы полетели прочь.

На скотоводческой ферме пришлось поутру делать ремонт, сообщает Борис Тимофеевич, завхоз. Перепуганный скот стал ломиться из загонов, быки сломали ворота и вырвались на свободу.

Ольга пролистала страницы. Вся газета — о Старомышастовской. Свидетели, очевидцы, фотографии, отчёты полиции. Но ничего о жителях. Они исчезли без следа. С немым вопросом она смотрела на Фрола.

Тот ответил:

— У полиции это дело мы забрали на следующий день, взяли со свидетелей подписку о неразглашении под страхом обвинения в государственной измене, приступили к работе. В прессу ничего больше не просочилось, этот номер — из пробного тиража, в массовый пошёл совсем другой выпуск, — Фрол будто бы докладывал на совете министров о проделанной работе.

— Н-нет, — перебила его Ольга, которой было наплевать на формальности.

— Мы нашли одного человека, — мрачно сказал Фрол уже совсем другим тоном, — на дне протока, под слоем ила. Весь в радиационных ожогах. Виталий Ржаненко, двадцать один год. Внутренние органы — сплошное месиво, внешних повреждений, кроме ожогов, нет.

Ольга скривилась. Это был Витька Зуб, как звали его в станице из-за кривого зуба, выросшего прямо из десны поверх резца. Когда Витка растягивал рот в улыбке, лишний зуб показывался из-под верхней губы. В остальном был он обычный пацан: дрался, кидал в заборы грязью, добывая её из вонючих скотных луж. Пока никто не видел, лупил бычков на пастбище длинной палкой. Воровал кукурузу с поля, стараясь оставаться незамеченным, искренне веря, что до этого хотя бы кому-то есть дело. Одно лето таскал травку с тайной конопляной плантации, пока её не спалили милиционеры. Сходил в армию, вернулся, стал выгребать дерьмо из-под свиней на ферме, надеясь, что судьба, в конце концов, выведет его к должности бригадира доярок или начальника комбайнёров. Комбайны, правда, никак не вязались со свиньями, поэтому то была голубая Витькина мечта. Вот и всё, что знали о нем жители станицы. Обычный парень. Конечно, бабки, которые вечерами сплетничали на длинной лавке, знали гораздо больше. Например, как гусь уцпнул Витьку в два с половиной года, после чего Витька в течение восьми месяцев отказывался говорить. Но это были частности.

Пожалуй, что и Ольга могла бы добавить ещё пару абзацев в резюме Зуба. Но сделала бы она это лишь в случае крайней необходимости, поскольку, открывая правду о нём, она открывала кое-что и о себе.

Ольге было пятнадцать, её мир заполнял май. В мае всё казалось живым, будто бы жизнь должна вот-вот сделать тебе какой-то подарок или открыть потайную дверь, за которой лежал нехоженный путь. Цветут деревья, тюльпаны, занятия в школе вот-вот закончатся, а там — каникулы.

Где-то в конце мая из армии вернулся двадцатилетний Витька Зуб. Устроили ему встречу, собрались все знакомые, друзья и товарищи со всего квартала и двух соседних. Сидели на берегу поросшего камышами канала. Кто-то притащил мангал и четыре ободранные тушки нутрии.

Ванька и Васька достали из чёрного пакета с надписью “30 кг” шесть двухлитровых баклажек пива “Дон — Южное”. Специально гоняли за ним в ларёк на мопеде и везли, намотав пакет на руль. Пиво взболталось. Ольга сидела там же вместе с подругами, говорили о чём-то, тут же забывая, о чём же шла речь. Витька пытался разжечь мангал, травил байки про армию и нажимал на кнопки нового мобильного, купленного в каком-то городе, через который шел поезд. Телефон мог играть музыку, причём достаточно громко, но у него быстро сел аккумулятор, и Витьке пришлось убрать его в карман льняных шорт на завязках. Он растерянно смотрел, как шипит мясо нутрии, с которого капал жир и горел, касаясь углей. Васька следил за огнём, держа наготове пластиковую бутылку с дырками в крышке, заполненную водой, чтобы поливать “шашлык”.

Разлили пиво по пластиковым стаканам. До армии Витька глушил бы его прямо так, *из горла*, но теперь казалось несолидно тянуть из общей баклажки.

Витька не переставал потчевать публику армейскими историями, но выходило у него всё как-то нескладно и скучно. Видали они в станице все эти подъёмы в пять утра, и не раз... и будто бы кому-то здесь не приходилось чистить картошку или в феврале выгребать из-под кур смерзшийся назем. Поди, расскажи им, как ужасен наряд вне очереди на солдатской кухне!

Постепенно пиво и нутрия с углей улучшали восприятие армейских баек. Когда солнце коснулось земли, пацаны в голос ржали над тупыми *салагами*, которые даже не могли подтянуться ни разу и, пробегая по плацу, выглядели так, будто их внезапно окатили из ведра ледяной водой. Смешно всем было слушать и про качку посреди ночи, а потом Витька, внезапно скосив глаза, потухшим голосом произнёс:

— Переборщили мы, ребят, переборщили.

Кто-то заржал, ожидая, что сейчас расскажут, как изъяли цивильные сигареты или заставили стирать хэбэшку. Витька прикрыл глаза ладонью, повисла тишина. Ольга слушала отстранённо, ей тоже влили пива — ведь не тринадцатилетка уже.

— Один иголок наелся.

Стало страшно. Ольга огляделась, рядом на коврике полулежала одна только Наташка, остальные девчонки по-тихому разошлись. Кинула взгляд на пацанов. Те сидели на корточках, раскрасневшись от выпитого пива, Витька держал в пальцах пустой шампур. Ванька курил “Winston”, в его глазах отражался огонёк сигареты, который мерцал от порывов лёгкого ветерка. Вокруг стояла непроглядная темень, квакали лягушки.

— Я пойду, — сказала Ольга, — поздно как, не заметила.

— Да погодь! — осипшим голосом отозвался Васька. — Ты как по тебе-то? Давай проводим?

— Нет, я прямо сейчас. — Ольга тут же встала и, подняв руку в прощальном жесте, зашагала прочь.

Пацаны глядели ей вслед, пиво их здорово разморило. После первой партии сгоняли на мопеде ещё за одной. В соседнем ларьке закончилось их любимое, прокатились до магазина. Потом везли, намотав пакеты не только на руль, но и привязав эластичными тросиками к багажнику. Словом, закупились от души.

Ольга шла по берегу канала. Идти было совсем недалеко. Пахло ночными плавнями. Это был привычный запах, похожий на аромат высушенной травы с лёгкой примесью сероводорода. Лягушки надрывались так, что, казалось, они вот-вот лопнут, сидя между корнями камышей и на прибрежных песчаных отмелях. Внезапно из зарослей выпорхнула утка. Ольга приостановилась и посмотрела, как птица пролетела мимо диска полной луны, внезапно воцарившейся в чёрном небе. За ней с любопытством наблюдали совы и сычики, рассеявшись на проводах. И чего забыли они у канала? Совиная вотчина — бахча или поле, где водятся мыши да жирные гусеницы, лениво переползающие со стеблей травы на тонкую тыквенную лозу, с тыквенной лозы на арбузную, с арбузной на дынную... Но каждую ночь совы почему-то садились на провода и смотрели на канал и на станицу. Впрочем, в камышах тоже было полно мышей. А может, у канала собирались те, кого сородичи выгнали с поля...

Вдалеке залаяла собака, за ней другая, третья. Отозвались ещё две с противоположного конца станицы. Их голоса звучали глухо, а потому как-то особенно уютно. Вот уже замаячил и освещённый лунным светом автомобильный мост через канал, а как перейдешь по нему, то считай, что и дома. Ольга пошла огородами, всё равно их границы были условны: никаких заборов или межи. Хозяева ходили сюда раз в неделю, чтоб ужаснуться урону, нанесённому колорадским жуком и засухой. Это было своеобразным развлечением для тех, кому не хватало участков возле дома.

Ольга шла мимо грядок, почти сливаясь с тёплым ночным воздухом, словно вдруг стала она бесплотной и невесомой. Её май подходил к концу

и оттого горел всё ярче. Такая ночь, как эта, непременно должна была что-то означать, за ней должна была скрываться какая-то тайна. Пьянящая, дурманящая, мрачная, возвышенная, яростная и одновременно умиротворяющая. Тайна с тончайшим привкусом зла. Она была неуловима, и оттого казалось, что она прячется в дунных полутонах. Если на эту тайну обрушится полуденный свет, то она осыплется на землю пеплом обманутых ожиданий. Постигнутая сознанием, она умрёт и превратится в пустой символ, который может набросать на листе бумаги всякий, кому не лень. Думая о тайне, Ольга чувствовала, как по телу прокатываются волны возбуждения. И каждый вдох был сладок. Её размышления внезапно оборвались: чужая рука вдруг жёстко обхватила Ольгу за талию. Огромная грубая ладонь прижалась к её губам и плотно зажала рот.

Неизвестный поворот её к деревьям и кустам, росшим по берегу канала, она отчаянно скребла ногами, один шлёпанец соскочил и остался валяться в рассыпчатой пыли. Парень не проронил ни слова, пока не затащил девушку в густую тень.

— Смотрю, ты за два года тут, тут ты за два года... — бубнил Витька Зуб прямо в Ольгину ухо. Она попыталась укусьить его за пальцы, но он лишь сильнее прижимал руку ко рту, так что она даже не могла двинуть челюстью. От пальцев Зуба пахло жиром нутрии и табаком.

— Вся, ишь, за два года... Была плоска, как доска, а тут... — его рука настойчиво лезла под топик. Если бы Ольга могла кричать, она бы закричала, но все её попытки освободиться были тщетны, её будто бы скрутили стальными тросами, так плотно он прижимал её. Удары локтями и пятками, похоже, лишь веселили Зуба.

— Ух, какой класс! — Зуб добрался, наконец, до эластичного лифчика. Ольга крепко зажмурилась. Она была готова умереть на месте. За каналом виднелись крыши домов, кто-то там ужинал, может быть, пил чай, и даже невозможно было представить, что такое может твориться совсем рядом, под густыми ивами. А завтра кто-нибудь пройдёт здесь, как ни в чём не бывало, и ничего не будет знать.

— Да чо ты жмёшься-то? А? Я чо те, противный? — Зуб зажал Ольгин сосок между двух пальцев и слегка сдавил. По щеке девушки пробежала слеза. — Уй, да с такими-то сиськами, кого ты дуришь?

И тут Витька почувствовал у себя на пальце Ольгины слёзы. Он замер, затем быстро и нервно выдернул руку из-под топика, оттолкнул девушку от себя, как маленький мальчик, вдруг заметивший, что его любимая плюшевая игрушка испортилась.

Ольга без сил упала на сыроватую из-за близости воды землю. Она поджала колени, словно пытаясь защититься, уже всхлипывала и рыдала в голос.

— Ты это чо? Ну, ты это! Я же это, ну, мы выпили, — вдруг затараторил Витька, всё не выходя из образа маленького мальчика, у которого внезапно выпятилось на шею адамово яблоко.

— Урод, — глухо сказала Ольга.

Зуб стоял в нерешительности, ему хотелось опуститься рядом с Ольгой и потрясти её за плечи, уговорить держать рот на замке. С другой стороны, можно было бы её хорошенько избить, чтоб знала, что будет, если проболтается. Была и третья мысль, вселявшая в Витьку истинный ужас: а не *тыкнуть* ли её по темени — и концы в воду. Тогда можно и не церемониться...

— У-у-у-у! — промычал Витька. Его голова разрывалась от ужаса и вожделения, левая ладонь всё ещё помнила, как твердеет Ольгин сосок.

— П-прости! Прости! — И тут Зуб не выдержал, развернулся и кинулся бежать, как мальчишка, вдруг попавший булыжником в окно дома милиционера, толком и не понимающий, хотел ли он бросить этот чёртов камень... А если не хотел, то как же так вышло, что милиционер в одних трусах уже выскочил на улицу и орёт, что сейчас застрелит паршивца?

Через некоторое время Ольга притихла. Поднялась с земли, утёрла слёзы, оглядела себя. Она вся перепачкалась землёй. Идти домой в таком виде — самоубийство. А не идти — жутко, каждая лишняя минута, наверное, только ожесточит родителей. Ольга подошла к деревянному помосту, с кото-

рого днём мальчишки ныряли вниз головой в канал, а ранним утром старики рыбачили, пытаясь выловить окуней. Она постояла немного, посмотрела на станицу на том берегу. Ужас ещё крепко сидел внутри, но постепенно она приходила в себя. Кроме ужаса, была гадливость, и была обида.

Потом Ольга, как ни старалась, не могла точно вспомнить, что именно она сделала. Вроде бы сразу же развернулась и пошла к дому, но почему-то ей всё казалось, что на самом деле она разделась догола, присела, проверила рукой, как водичка. Парное молоко. И, не раздумывая, нырнула в пресные плавневые воды. Со злостью гребла руками, чувствуя, как жжёт мышцы. Доплыла до середины канала, где осталась одна, наедине с луной и кваканьем. И не было в ней страха утонуть, и словно смылось всё случившееся. Ольга ощутила, как время проходит сквозь неё, и кроме этого не существовало в мире больше ничего. Сверху вода была тёплая, а пониже — холодная. Слой за слоем она становилась всё холоднее. И это тоже было приятно. Она ныряла, плыла против течения, плыла по течению, лежала, отдыхая, на воде, снова ныряла, плыла под водой. Потом легла на помост и долго не двигалась, будто бы купаясь в лунном свете. Ей казалось, что какая-то часть её навсегда унеслась, забирая с собой ощущение момента, не принадлежавшего ни к прошлому, ни к будущему. Девушка думала, что это было бы очень обидно, если бы всё оказалось *не вправду*, и ощущение момента настоящего — лишь плод ложной памяти, игра воображения.

Потом она вернулась домой, и здесь у неё отпали всякие сомнения. Отец стоял у ворот и глядел на улицу. Он был преисполнен тёмного бешенства. Полночи родители орали, драли её за волосы, били по лицу. Били не слишком сильно, но в какой-то момент Ольга на несколько секунд потеряла равновесие, отступила и с силой ударилась бедром о деревянную ручку дивана. Она крепко сжала зубы, и челюсть прострелило острой болью. Очаг её был чуть пониже правого уха, видимо, всё-таки отец её выбил. Боль вышибла из глаз слёзы. А Ольга так хотела не подавать виду, что ей больно. Она приняла наказание, считая его заслуженным, нечего тут было умолять и просить прощения, сама жрала пиво, сама и попалась пьяному Витьке в лапы. Если бы эти удары могли стереть память о Витькиных пальцах, девушка согласилась бы принять хоть тысячу розог, хоть две тысячи...

Потом родители выдохлись, а Ольга легла и пролежала ничком до самого утра, не смыкая глаз. На следующий день был первый понедельник летних каникул. С ней никто не разговаривал, мать только стукнула тарелкой овсянки перед носом и даже не сказала: “Жри!”. Было бы легче, если бы сказала, пусть как угодно грубо. Старшая сестра всё поглядывала в её сторону, пряча в глазах лукавый смех, но тоже не проронила ни слова, то ли в шутку, то ли всерьёз поддерживая устроенную родителями блокаду.

Ольга ходила за матерью весь день, как собачка. Не решаясь подойти слишком близко, но стараясь находиться в поле зрения, она надеялась, что мать попросит её о помощи, и это будет первая трещина в ледяной глыбе непонимания, застывшей между ними. Не вышло. На огороде мать, резко обернувшись, крикнула, взмахивая тлячкой:

— Пошла прочь! Чо таскаешься за мной?! — Она крикнула это с такой ненавистью, что Ольгу пробил озноб. На мгновение ей показалось, что перед ней — не её мать, а вырезанная из сухого дуба старуха, потом мать отвернулась и продолжала окучивать картошку, от её тлячки по ветру шла серая пыль.

Вечером ей дали картошки и хлеба. Ровно две минуты отец, не отрываясь, смотрел, как Ольга измельчает картофелины, чтобы те побыстрее остыли. Затем он стукнул по столу рукой, так что все замерли, даже мать, несущая пустую кастрюлю, обернулась, готова для отца осуждающий взгляд, но быстро спохватилась, и этот взгляд достался Ольге.

— Жри на улице, шалава, — протянул отец голосом, застрявшим где-то между его сжатых зубов, — тошнит на тебя смотреть.

— Но я...

— Ах, ты!.. — Внезапно отец вскочил, словно собирался вновь избить её. Не помня себя, она выскочила из дома, обронив картофелину.

В ту ночь она ужинала у кирпичного колодца, деля трапезу с медленно ползущими по траве улитками, запивая хлеб слезами.

Ольга оставила пустую тарелку у крыльца. В дом входить не решилась. Обошла его кругом, свет уже погасили, спят, значит. Ноги вывели её за калитку и понесли по станице. Долго она бродила под луной по улице. Вот перед нею расстилались разные дворы, стояли разные дома, во многих ещё горел свет. Ольга вышла к каналу, села на берегу. Её облепили комары, их было здесь так много, что она решила идти дальше, не останавливаясь. Дошла до деревянного моста и перешла по нему через канал. Было ей как-то спокойно и даже приятно. Здесь они до неё не дотянутся. Сейчас ей хорошо, а что будет дальше — посмотрим. Так, будто бы в невесомой вате, не чуя под собою земли, девушка дошла до полей, а потом и до асфальтового шоссе, мимо водонапорных и силосных башен, дальних ферм, длинных и плоских, с огоньками, горящими в ночи.

Летние ночи коротки, скоро стало светать, но страха в её душе не было. Всё тем же размеренным шагом дошла Ольга до дома, взяла из гаража старый ватник и подстилку, залезла на чердак и там заснула. Утром сладко потянулась, спустилась по деревянной лестнице вниз. Во дворе — пусто. Мать, видно, на огороде, а старшая сестра неизвестно где и неизвестно с кем. Вот и говорите потом о двойных стандартах...

Ольга сварила себе овсяную кашу, позавтракала. К матери решила не подходить. Раз не хочет она с ней разговаривать, нечего и лезть. Она снова отправилась бродить по окрестностям, но смотрела на всё каким-то новым взглядом. Ей нравились ровные, плоские поля, разделённые лесополосами. Нравилось, как мальчишки ныряют в канал, словно одурев от рухнувших на них каникул. Козу вот привязали возле кургана. Ходит она себе целый день под алычой, щиплет траву. Ольга подошла к ней, и коза принялась обходить девушку справа, опутывая верёвкой её ноги. Боится чужака, но как будто бы хочет поймать его, связать.

К ужину Ольга снова вернулась домой. Подошла к столу, взяла тарелку и отправилась к кирпичному колодцу. Отец ничего не сказал, будто бы подавившись словами. Не ожидал, что дочь поведёт себя так.

И лишь на следующий день он её окликнул, когда та вновь подняла тарелку, собираясь уходить.

— Сядь!

Ольга спокойно села.

— Ну, что...? — бесцеремонно спросил отец, пытаясь за угловатой грубостью спрятать стыдливую сумятицу своих мыслей. Мать и сестра замерли, напряжённо ожидая ответа, будто бы даже слегка привстав со стульев. Но виду они старались не подавать, хотя у них это не очень-то и получалось. Слишком явной была морщинка, вдруг пробежавшая между бровей старшей сестры, которая едва ли не закусывала нижнюю губу, вся превратившись в слух. На белках глаз матери, казалось, с каждой секундой появлялись новые кровяные сосуды, кончик её носа едва заметно вздрагивал.

— Нет, — вдруг ответила Ольга лёгким голосом, как бы сказав это невзначай.

Ответ сбил отца с толку. Он готовился орать, но она сказала это таким тоном, что нечего было и возразить.

— Ну, смотри у меня, — сказал он, помедлив. Нахмурился, словно пытаясь собрать всю свою мрачную решимость, но злость уходила из него стремительно, как воздух из дырявого воздушного шарика.

Потом отец долго размышлял, не свозить ли дочь к врачу, проверить, в самом ли деле она девственница или врёт. Посматривал на бутылку коньяка, которую он предложил бы доктору. Ставил коньяк на стол, ходил мимо него, убирал обратно в шкаф. Искоса поглядывал на Ольгу за семейным столом, в доме, на улице, но так, чтобы она ничего не заметила. И всё никак не мог ни на что решиться. Потом порыв чувств угас, появилась лень...

— Ты его знала? Виталия? — спросил Фрол, заметив, что Ольга ушла в себя.

— Конечно, мы же почти соседи...

— Ты побледнела. Как самочувствие?

Ольга перевела глаза на Фрола и долго молчала, надеясь, что он сможет хотя бы отчасти уловить те чувства, что она испытывала. Но выражение его лица не изменилось, он по-прежнему ждал ответа.

— Мне страшно, — Ольга отвела взгляд и склонила голову. Её глаза остекленели. — Это похоже на обман. Куда они все исчезли? Газету... Газету можно изготовить и своими силами. Пиши потом что угодно... — Ольга говорила машинально, сама не веря своим словам.

— Месяц спустя мы нашли ещё одного человека. Тебя.

Ольга не сразу поняла, что хочет сказать Фрол. Тот продолжал говорить, пытаясь смотреть девушке в глаза, но та, казалось, его не слушала: — Тебя нашли дежурные оперативники при обходе. Ты лежала на дороге лицом вниз без сознания. Семьсот двадцать часов тебя не было *здесь*.

— Что? — Вдруг спросила Ольга.

— Спустя месяц после инцидента оперативники нашли тебя на дороге, лежащей лицом вниз. В станице Старомышастовской, около твоего дома.

— Сейчас июль? — Мозг Ольги пытался опровергнуть это заявление, но в памяти находились подтверждения слов Фрола. Листья каштанов — уже зрелые, мясисто-зелёные, на деревьях появились колочие плоды. Июль, конечно, июль, без сомнений.

— Да.

Ольга подняла указательный палец, будто бы хотела прочесть по слогам висящий в воздухе невидимый текст, и медленно произнесла:

— Где я была эти семьсот двадцать часов?

Фрол глубоко вздохнул:

— Мы не знаем.

В этот момент Ольга испытала абсолютное, ломающее волю отчаяние. Оно нахлынуло из всех уголков сознания и намертво сковало мысли. Всё, что девушка знала об окружающей действительности, все её планы, воспоминания, чаяния и мечты провалились в пропасть. Исчезли вместе с жителями Старомышастовской. Пропали неизвестно куда.

У Ольги возник внезапный порыв закатить истерику, попытаться перевернуть стол, с криками накинуться на Фрола, осыпая его обвинениями. Она искоса взглянула на него и осадила свою злость. Он-то тут ни при чём, он не сделал ей ничего дурного, напротив, всё время учтив и, похоже, сам не во всём до конца разобрался. Может быть, даже растерян и смущен.

— Прости, я не лучший психолог и не могу сказать, что тебе теперь делать. Потеря близких — это нелегко. Прости, — проговорил Фрол.

Потом Ольга плакала. Долго, горько и безутешно. Фрол сидел рядом и молчал. Он знал, что любое неловкое слово может причинить ей боль.

— Я никогда-никогда их больше не увижу? — спросила Ольга.

— Не буду врать, скорее всего, нет. Не знаю. Единицы возвращаются. Считанные единицы.

— Но откуда? Ведь если знать, откуда, то... То можно хотя бы... Хотя бы попытаться найти их.

— Я не знаю. Господи, пойми же, — Фрол стукнул кулаком по ладони, — именно поэтому те, кто вернулся, так важны!

Ольга вытерла ладонью слёзы.

— Часто это происходит? В смысле, пропадают люди?

Фрол на мгновение отвернулся, взглянул в окно, будто бы решал, стоит ли отвечать ей.

— Пропадают. Хотя и не так массово, как в этот раз.

— Поэтому существует ваш отдел? — Ольга слегка прищурилась. — Это государственная структура?

— Пропадают люди, без следа. Появляются, — тут Фрол замешкался, словно подбирая слова, — *объекты*. Знаешь, люди исчезают каждый день. Но, представь себе, что опустела не целая станица, а, скажем, квартира. Запертая. Находится на седьмом этаже. Окна целы и тоже закрыты. Выезжаем. Внутри тишь, пусто, людей нет. Вещи лежат, будто бы ждут хозяев.

Вряд ли ты можешь понять, как мне всегда в эти моменты жутко. Держу руку на пистолете, а всё равно чувствую, что ничего эта железка тут не делает. Но идёшь и всё равно переступаешь через порог, проходишь в пустые комнаты, осматриваешься, а сам будто умираешь от страха. Но не отступаешь. Это особая работа — терпеть нечеловеческий страх. Не так страшно обнаружить в квартире пустоту, как приоткрыть дверь, — Фрол глубоко вздохнул, — и увидеть, как посреди комнаты висит *объект*. В Старомышастовской мы обнаружили таких три. Сразу же отправляем их в спецхран в герметичных контейнерах, чтобы их никто не видел. Даже ветераны спецопераций, хладнокровные и выдержанные, срываются, если им показать это. *Объекты*, — и снова Фрол сделал паузу, — на них не нужно долго смотреть, взгляд сквозь них будто бы проваливается куда-то. Ты кожей чувствуешь, что то, что ты видишь, — всего лишь попытка твоего мозга как-то осмыслить сущность *объекта*. Но нам его познать не дано.

— Зачем вы рассказываете мне это? — Ольга побелела от страха, положила ладони на колени, но не смогла унять дрожь.

Фрол спохватился:

— Ты спросила, а я не хотел ничего от тебя скрывать. Всё же ты здесь не пленница. Если бы было можно, тебя бы отпустили хоть сейчас.

Ольга с ужасом взглянула в окно, за которым был мир, где каждый день бесследно пропадают люди и появляются *объекты*. Девушка крепко сжала зубы и процедила:

— Нет уж, теперь вам придётся выложить всё до конца, — За два прошедших года она научилась быть твёрдой. Чтобы неотступно и смело, шаг за шагом создавать для себя новую реальность, в которой не будет места никаким Витькам с лишними зубами и уродливыми грязными лапами.

Фрол немного расслабился и сказал:

— Исчезновения и всё, что с этим связано, не единственная наша забота. Бывают полевые выезды. Но там зачастую либо ложные вызовы, либо полная неразбериха. Пытаемся как-то классифицировать события, подыскивать им объяснения.

Ольга нахмурилась — ей казалось, что что-то не сходилось в рассказе Фрола.

— Получается, что все эти явления — чистая случайность, и предсказать или предугадать их нельзя?

Фрол прищурился и кивнул.

— И это — не результат деятельности каких-то других спецслужб или бандитов, к примеру? Но тогда почему я здесь?

— Ты находишься в карантине, — ответил Фрол почти равнодушно.

Подтверждались худшие опасения Ольги, её самообладание пошатнулось.

— Почему карантин?

— Не думаю, что тебе стоит знать, почему мы ввели такое правило. Просто постарайся успокоиться и набраться терпения. У нас очень мало информации, но кое-что нам известно. Ты не первая из тех, кто вернулся. Тебе очень сильно повезло. Твоя кожа при тебе, как и твои кости, твои глаза, твой рассудок. А это чрезвычайно важно. Постарайся понять нас. Все наши правила основаны на полученной нами информации.

— Что будет потом? — холодно спросила Ольга?

— Постарайся успокоиться, хорошо? Это пока всё. — Внезапно голос Фрола наполнился жёсткими интонациями. Он не оставлял ей выбора, словно приказывая закончить этот разговор: больше никаких вопросов. Ольга опустила глаза. Неужели и растерянность, и смущение Фрола — только изощрённая игра?

— Потом вы меня убьёте?

— Хотели бы убить — давно бы придушили. Думай головой, — сказал Фрол так, будто разговаривал с сослуживцем, таким же медведем-спецназовцем, каким, вероятно, совсем недавно был и он сам. — Вроде с виду неглупая, но иногда такое скажешь...

Всё это он говорил, не глядя на неё, собирая со стола тарелки. Ольга опешила. Фрол предстал перед ней ещё в одном из своих образов: профес-

сионал, без тени растерянности и сомнений. Он быстро собрал посуду со стола и уже собирался уходить, но у двери остановился и сказал:

— Обед в полвторого, — закрыл за собой дверь, держа поднос с пустыми тарелками в левой руке.

Ольга осталась одна. На столе по-прежнему лежала районная газета, но ей не хотелось на неё даже смотреть. Фрол так внезапно покинул её. Наверное, у него есть какие-то другие дела в этом здании. Девушка встала со стула, выглянула в окно. В небе по-прежнему висели тяжёлые облака, но с них не срывалось ни капли дождя. Ольга обняла себя руками за плечи и едва заметно ссутулилась. Её слегка подташнивало. Неопределённость была мучительна, к тому же её пугало слово “карантин”. Что может с ней случиться, почему нужно обязательно оставаться в этом номере? А может быть, *ничто* ждёт своего часа внутри неё?

Девушка испытала сильный приступ тошноты.

Ноги сделались ватными. Отойдя от окна, Ольга прилегла на кожаный диван, стоявший у стены напротив книжного шкафа. По виду он был совсем ещё новым. Кожа насыщенного изумрудно-зелёного цвета, дубовые ножки, покрытые лаком цвета янтаря. Но в то мгновение Ольге было совершенно наплевать, какого цвета этот диван и насколько качественно он сделан. Ужас и опустошение поселились в её душе, лишая сил и воли к любым действиям.

Так прошло несколько часов. Ольга не чувствовала, как движется время. Она будто бы застыла в одном-единственном моменте времени, который больше никогда не изменится.

Когда в номер вернулся Фрол, он увидел, что Ольга сидит на диване, обхватив руками живот, и смотрит в пол. Не подходя ни на шаг ближе к ней, он окликнул её:

— Эй, ты жива? — а сам плавным движением отодвинул правую ногу, чтобы встать в более широкую стойку, будто ждал нападения.

Ольга едва заметно изменила позу и так же неспешно кивнула.

Фрол расслабился:

— Обед, — сказал он, — полвторого.

— Я не голодна, — тихо ответила Ольга.

— Подумай минут десять.

Ольга отвернулась и снова уставилась в пол. Тогда Фрол поставил поднос на стол и подошёл к ней поближе.

— Понимаю, тебе жутко и мерзко, — сказал он, — к тому же тут скучно и совсем нечем заняться. Но ты держись. Знаешь, тут, кажется, есть книги. — Фрол подошёл к шкафу с вырезанными на дверцах летающими ласточками и открыл его. — Может быть, хотя бы взглянешь? Или ты совсем *не чител*? В наше время это не редкость.

Последняя фраза будто бы разомкнула мрачную цепь Ольгиных размышлений. Она встрепенулась и на мгновение даже нахмурилась, готовясь возразить, — уж очень ей не хотелось вставать в один ряд с Витькой Зубом.

Фрол обернулся как раз вовремя, чтобы уловить изменения в Ольгином настроении. Про себя он ухмыльнулся и поставил невидимую галочку в расписании дел, которые ему нужно сделать сегодня, затем сказал:

— Если тебя всё же заинтересует чтение, посмотри, может, найдёшь для себя книгу по вкусу. А я пойду. Обед оставляю, а есть ли — решай сама.

Фрол ушёл, а Ольга посидела на диване ещё несколько минут. Она больше не ощущала себя раздавленной ужасом. Пообедала, вытерла губы салфеткой и решила вымыть руки. Затем подошла, наконец, к книжному шкафу. На дверцах была вырезана сто одна ласточка. Ольга не смогла побороть желание дотронуться до них и провести пальцами по их деревянным контурам. Мастер, который изготовил этот шкаф, работал неспешно, с умом и любовью. У ласточек были видны и глаза, и перья, и клювы. Но не было избытка деталей: все птицы были стилизованы таким образом, чтобы подчеркнуть их движение в полёте.

Ольга открыла обе дверцы. За ними — восемь полок, уставленных книгами. Быстро пробежав глазами по корешкам, девушка потянулась за томи-

ком Тургенева. В любом случае на выбор — только русские классики, выстроенные в ряд тома, поставленные по корешкам, без всякого смысла. От Пушкина остался почему-то только третий том, а Достоевского были три книги из собрания сочинений и роман “Идиот” другого издания.

Около четырёх часов после полудня пошёл ливень. Ольга сидела на диване и читала, её отвлек шум дождя. Она положила раскрытую книгу страницами вниз и подошла к окну. В это мгновение с моря нахлынул порыв ветра и по стеклу с силой забарабанили крупные капли. Ольга вздрогнула. Море казалось чёрным, по дорожке, идущей между каштанами, бежали ручьи, деревья были окутаны серой водяной пылью. Ольга вернулась на диван, села на то же место, слегка поёжилась и снова взяла книгу. Ей хотелось поскорее вернуться в мир автора, оказаться хотя бы мысленно подальше от окружающей действительности. Тот мир был гораздо логичнее и уютнее её *настоящего*.

Пришёл Фрол и сказал, что пора ужинать. Ольга чувствовала вялость, её движения были замедленны, но это было лучше, чем тотальный ступор.

Ночью она никак не могла заснуть. Её сковал страх. Казалось, что прямо сейчас раздастся жуткий звук, и за ней *вернется*. А с утра Фрол обнаружит в гостининой объект, про который он ей рассказывал, пожмёт своими мощными плечами, сдаст находку в спецхран... И всё. Больше про Ольгу никто никогда ничего не услышит и не вспомнит даже. Страшно. Не помогла и попытка спрятаться и одеяло, под которое она сразу же нырнула.

Следующий день был похож на предыдущий. Только Ольга проспала несколько часов на диване, пока было ещё светло. Ночью читала при свечах до изнеможения, едва добралась до постели и провалилась в сон. Ей стало легче справляться со своими страхами. Дни потекли стремительно и равномерно, как выпущенная из шлюза вода. Ольга прочитала несколько книг из шкафа, сожгла множество свечей, получила комплект тёплой одежды и с грустью встретила первый день осени. О том, что сегодня первое сентября, ей сообщил Фрол. В номере не было календаря. Стояла обычная тишина. Такая, будто бы во всём *санатории* и на много вёрст вокруг не было ни души. Ольга пыталась стучать по стенам, по батарее, но быстро оставила это занятие — ей никто не отвечал.

Фрол оставался всё таким же таинственным. Два раза Ольга пыталась начать с ним разговор личного характера, узнать, например, сколько ему лет и какое у него любимое время года. Но он лишь отмалчивался, словно намекал ей, что это вовсе не её дело. С каждым днём она чувствовала всё большую нужду в общении, и она принялась за завтраками, обедами и ужинами рассказывать Фролу о том, что прочла вечером и что собиралась читать. Как она сдала бы ЕГЭ и поехала бы в столицу поступать в институт. Фрол кивал, и это было единственным проявлением его интереса. Накормив её, он уходил, не задерживаясь ни на минуту. Ольга тихонько просила его остаться подольше, однажды она вскочила со стула и подбежала к двери. Но Фрол грозно взглянул на неё и прикрикнул:

— Не смей!

В его взгляде ей почудилась такая злость, что Ольга остолбенела. Она вся внутренне сжалась и слушала, как щёлкают запираемые замки. Она долго не могла двинуться с места. Её будто бы ударили по лицу.

В середине сентября полдень стал ей казаться каким-то особенным, белым и словно наполненным томительной усталостью. Солнце будто застывало в небе, и всё казалось очерченным чёткими, жёсткими контурами. Остывающее море лизало прибрежную гальку, песок между камнями становился мертвенно-белым, будто бы и камни попадали в зону пропавшего времени и никак не могли из неё выбраться. К счастью, *белые полдни* длились недолго, всего пару часов в день, и большую часть этого времени Ольга читала. Она больше не донимала Фрола попытками завязать разговор, и его устраивало такое положение дел.

Мир преодолел, наконец, неспешный сентябрь и двинулся навстречу зиме, рассекая просторы октябрьского межсезонья. Казалось, природа умирала: недавно ещё зелёные стебли трав и цветы падали в землю, убитые холо-

дом. В один из таких дней Фрол пришёл в необычное время — часа в три. Он принёс спортивную сумку с одеждой.

— Выбери, завтра едем, — сказал он и вышел.

Ольга отложила книгу. Она не сразу поверила в то, что её заточение пошло к концу. Расстегнула сумку. Внутри было несколько пар обуви: кроссовки, женские полуботинки, лакированные туфельки, кеды, осенние сапожки — на любой вкус. И одежда: юбки, джинсы и брюки, колготки, носки, свитера, рубашки...

Ольга перетащила тяжеленную сумку поближе к ванной, где было единственное зеркало, и начала подбирать одежду, прикладывая к себе. Внутри у неё словно запела туго натянутая струна: подумать только, впервые за три месяца ей предстояло выйти из дома. Нужно подготовиться. Однако через некоторое время она остановила себя. “Ну и дура!” — подумала она с раздражением, затолкала обратно юбки и рубашки, достала лишь джинсы и чёрный свитер. Он сидел на ней в обтяжку, зато был совсем не броский.

На следующий день ранним утром она покинула свой номер. Переступила порог, черту, за которую её нога не ступала долгие дни, но мир даже не вздрогнул. Прошла по коридору, на белых стенах висели круглые светильники. Слева окна — все плотно занавешены чёрными шторами. Справа — одинаковые стальные двери, такие же, как у Ольгиного номера. На полу — зеленовато-серый ковролин. Фрол всё время шёл рядом. Они не встретили ни единого человека. Казалось, что *санаторий* был совершенно пуст. Тишина на лестницах и в огромном холле, который тоже освещался круглыми светильниками. Везде были одинаковые белые стены, завешенные окна.

Оказавшись на открытом воздухе, Ольга инстинктивно втянула голову в плечи — слишком бездонным было предрассветное безоблачное небо, а пространство вокруг казалось беспредельным. У парадного входа стояла чёрная иномарка. “На такой машине только иностранных министров возить”, — подумала Ольга. Фрол открыл для неё дверцу, и Ольга забралась внутрь.

— Думала, меня хоть провозжать выйдут, — проворчала она...

— Заняты, — спокойно ответил Фрол.

Машина тронулась. Ольга собралась рассматривать пейзажи за окном, но Фрол протянул ей зелёную бандану и попросил завязать глаза. Чтобы постоить думали, что её везут на допрос, неуклюже попытался объяснить он. Ольга никак не могла справиться с повязкой — уголки ткани выскальзывали из пальцев. Тогда Фрол остановил машину и сам затянул узлы. Получилось плотно и крепко.

Поездка была долгой и утомительной. Ольга пыталась поспать, но её слегка укачивало. Временами ей казалось, что она лежит посреди огромной лужи, которая содрогается от мелких волн. Внутри салона было тихо, слышалось только мерное урчание мотора. Он работал так тихо, будто демонстрировал полное подчинение воле водителя.

В пути были остановки, и тогда Фрол разрешал Ольге снимать повязку. С удивлением девушка обнаруживала, что они стояли где-нибудь посреди поля или на лесной поляне. Но вопросы задавать было некогда. Фрол протягивал ей термос и бутерброды, а потом молча ждал, пока она поест. Он разрешал ей слегка размять ноги, но недолго. Ольга осторожно ступала по траве, ощущая, что с каждой остановкой воздух становится холоднее, а леса — всё прозрачнее. Под вечер она увидела на земле снег. Они двигались на север и уже успели преодолеть огромное расстояние.

Их путь закончился тогда, когда солнце коснулось горизонта. Фрол решил Ольге снять повязку, и через несколько минут они подъехали к огромным металлическим воротам, сваренными из толстых стальных листов. Как по команде, створки разъехались в стороны и вновь закрылись, стоило автомобилю проехать мимо них. За воротами была обширная асфальтовая площадка, со всех сторон окружённая лесом. Фрол заглушил двигатель, но, не выключая фар, внимательно смотрел на лес. Вероятно, не увидев того, чего опасался, он открыл бардачок и достал оттуда две деревянные маски. Ольге он сказал:

— Нам нужно надеть их. На затылок.

Ольга, всё ещё пребывая в лёгком ступоре после столь долгой поездки, в недоумении посмотрела на Фрола.

— Понимаешь, мы пропустили время, не успели засветло. Но с маской *они* посчитают, что ты *их* все время видишь, не выпускаешь из поля зрения. Тогда не набросятся со спины.

Ольга взглянула на маску: резная, разноцветная, особенно были выделены глаза — две огромные окружности, покрытые светящейся краской, в центре каждой — красный круг, изображающий зрачок. Искусно вырезанные рты с клыками, на маске Фрола виднелся ещё и зелёный язык.

— Кого мы так опасаемся? — спросила Ольга.

— *Духов* этого места. Мерзость та ещё. Но *они* не пустят сюда того, что опустошило твою станицу...

Ольга почувствовала озноб. Ей не хотелось вылезать из автомобиля, но про себя она повторяла, как заклинание: “Есть шанс вернуть, есть шанс спасти, не будь трусливой дурой”, — и это придавало ей смелости.

В воздухе уже чувствовался небольшой морозец. Фрол был одет в лёгкий серый пуховик, в его руках оказался мощный фонарь. На лбу — шнурок, которым крепилась маска. Ольга осмотрелась. За спиной шёл высокий, в два человеческих роста, бетонный забор. Сверху — колючая проволока.

Фрол подошёл к краю асфальтовой площадки и сделал шаг, как казалось, в пропасть, где начинались мрачные ели, усыпавшие землю мёртвыми иглами. Кроме них здесь больше ничего не росло.

Асфальтовая площадка располагалась на бетонных блоках. Фрол спустился с неё по железной лестнице, у подножия которой начиналась тропинка, вымощенная старыми бетонными плитами.

— Иди за мной, не отставай, — скомандовал Фрол.

Но Ольга и так шла за своим проводником след в след, борясь с желанием вцепиться руками в его пуховик. Фонарь заставлял стволы елей, из которых в разные стороны торчали ветки, отбрасывать сотни странных, догоняющих друг друга теней. Ольга механически переставляла ноги, запрещая себе думать о том, что может быть за спиной. Она уповала на маску, смотрящую своими светящимися глазами в еловую тьму позади. Со спины Фрол был похож на огромное чудовище, идущее задом наперёд.

Лес менялся, из елового он вдруг стал смешанным. Дорога пошла сквозь густой орешник. На некоторых деревьях ещё висели последние листья, но на земле уже лежал жиденький снег.

— Долго ещё? — не вытерпела Ольга.

— Держись, почти пришли, — сказал Фрол как-то неожиданно тепло.

Лес расступился, возникла невысокая железная калитка в заборе, который тянулся в обе стороны от тропинки. За ним находился ухоженный двор, засеянный газонной травой, и странный особняк. Он был будто бы целиком отлит из бетона. Причём настолько грубо, что остались даже следы от досок опалубки. В ту часть стены, где не было окон, были вмурованы огромные гранитные глыбы, словно вырванные из скалы. Казалось, что их будто и не касалась никогда рука человека. Довершали вид окна с алюминиевыми рамами, будто бы случайно встроенные в фасад этого дома.

В особняке было два этажа, часть крыши нависала над двором. В одном из окон первого этажа за занавесками брезжил тёплый желтоватый свет.

Посреди двора Фрол остановился и обернулся к Ольге:

— Подойдешь и позвонишь в дверь, — сказал он тихо.

Ольга не поверила своим глазам — по щекам Фрола текли слёзы. Внезапно он бросил фонарь на траву и крепко обнял Ольгу.

— Почему же, ну почему ты заставлял меня терпеть это одиночество? — спросила Ольга, чувствуя, как подступают слёзы.

— Прости, — Фрол, наконец, отпустил девушку и поднял фонарь с земли, — один неверный шаг — и я мог бы в тебя влюбиться до смерти... Прости, — ещё раз сказал он и пошёл к калитке, — иди, звони в дверь, тебе сюда.

Ольга стояла на бетонной дорожке, которая вела к двери особняка, и смотрела в спину Фролу. На неё смотрели круглые, слабо светящиеся гла-

за маски, они удалялись. Тихо скрипнула калитка — протяжный металлический звук, наполненный осенью. Девушка не выдержала и заплакала. Она не знала, почему. Но если бы могла, хотела бы пережить эти три месяца заново. И тогда бы точно постаралась поговорить Фрола.

Её встретил худой мужчина, почти старик. Его волосы уже поддались седине, но осанка и манера говорить были полны достоинства и силы. Было件нятно, что его ещё рано списывать со счетов. Одет он был в серый свитер и тёмно-синие хлопковые штаны, на ногах оказались мягкие тапочки. Мужчина был выше Ольги на целую голову. Он с порога сказал ей, что ждёт её давно, и одобрительно кивнул, увидев, что она не сняла с затылка маску.

— Фрол тебя, наверное, напугал, сказав, что в лесу живут *духи*, — говорил он, помогая Ольге снять куртку. — Можно сказать, что так оно и есть. Но это скорее *намерения* этого места, и люди действительно могут видеть их проявления: тёмные фигуры, выходящие из-за елей. И если им удастся заморочить тебя — точно заблудишься.

Ольга слушала его и мрачно смотрела прямо перед собой, надеясь, что маска всё-таки защитила её от ельника и его странного *намерения* увести людей с верного пути.

— Вот это и есть проявление здешних *сил*. Потому и дорожка к моему дому идёт строго по прямой — чтобы с неё было сложнее сойти.

Он повесил куртку на вешалку и убрал её в шкаф.

Ольга сняла обувь, освободилась от маски и огляделась. Внутри особняк был полной противоположностью своей наружности. На стенах — деревянные панели, паркетный пол, высокие потолки, изогнутые светильники, стилизованные под цветы. Они горели мягким янтарным светом, создавая ощущение наполненности пространства эфемерным теплом.

— Ну что ж, добро пожаловать. Меня зовут Константин Матвеевич, а тебя, насколько я помню, Оля, верно? — Мужчина приподнял брови, словно ожидая от неё одобрения.

Ольга кивнула. Надела мягкие тапочки и замерла в неподвижности.

— Стоять в прихожей, конечно, можно долго, но ты, наверное, не за тем сюда пришла? — спросил Константин Матвеевич. — Пойдём.

И он повёл её по коридору, все выходящие в него двери были закрыты.

Коридор заканчивался двойными дверями. Они вели в зал овальной формы. Вероятно, это был самый большой зал в доме. Он был словно разделён на две части. Одну стену, примыкавшую к дверям, занимали книжные шкафы. Плавные линии, ненавязчивые цветочные мотивы — стиль модерн, наверно, был близок хозяину. Входные двери составляли часть грандиозного собрания книг. Но особенно поразила Ольгу противоположная стена, стеклянная от пола до потолка. Стекло изгибалось, повторяя очертания зала.

Константин Матвеевич предложил Ольге сесть. Девушка медленно опустилась в кресло. Но всё её внимание было приковано к изогнутому стеклу. Особняк стоял на границе обрыва, а овальный зал был вынесен дальше, опираясь на вкопанные в склон бетонные сваи. За оврагом поднимался лес, сейчас тонувший во тьме осенней ночи. Ольга не могла видеть, как со дна оврага начал медленно подниматься туман. И ни единого огонька, сколько ни вглядывайся в ночь.

Ольга до сих пор держала в руках маску. Она положила её на стеклянный стол. Мужчина сел в свободное кресло.

— Заблудиться здесь, конечно же, нельзя, есть прямая дорожка, но, — Константин Матвеевич едва заметно улыбнулся, — взаимодействие с этим клочком леса сказывается на работе приборов. Придётся подождать несколько дней, но ты же не хочешь ждать? — мягким голосом спросил он.

Ольга не понимала, зачем она оказалась в этом особняке, но ответила:

— Да.

— Ты знаешь, тебе в какой-то мере повезло, — он вновь приподнял брови. — Ты вернулась и сохранила свою *цельность*. — Он ненадолго умолк. — Тяжело работать с теми, у кого нет, например, кожи на лице, ты не находишь?

Ольга почувствовала, как её дыхание на мгновение прервалось.

— Или с теми, кто смотрит в стену и не реагирует ни на что, — продолжал говорить Константин Матвеевич. Лёгкая улыбка на его лице сменилась выражением глубокой озадаченности. Но сам предмет разговора не внушал ему ужаса, скорее, это был профессиональный, исследовательский интерес. Будто бы это не люди лишились разума и органов, а некие *объекты изучения*. И каждое увечье, полученное жертвой, вернувшейся после исчезновения, он рассматривал, как разноцветную бабочку, которую ему удалось, наконец, заполучить в свою коллекцию, чтобы потом, никуда не спеша, часами наблюдать за нею в микроскоп.

— Ты совершенно не повреждена, только сильно расстроена, — мужчина смотрел Ольге в глаза, и голос его становился всё резче, — но это бывает и с теми, кто никогда и никуда не исчезал, верно?

Ольга слабо кивнула. Она чувствовала напряжение в горле.

Внезапно, будто бы *из ниоткуда*, у стола возникла женщина в тёмно-синем платье. Она принесла поднос, на котором стоял серебряный заварной чайник и две серебряные чашки.

— Спасибо, Маргарита, — поблагодарил её Константин Матвеевич. Она едва заметно поклонилась и вышла. Ольга успела заметить, что в стене, там, где заканчивался книжный шкаф, была небольшая дверца, которую не сразу можно было разглядеть.

Ольга взяла чашку и отпила маленький глоток — было ещё слишком горячо.

— Доклад о тебе я изучил досконально, — сказал мужчина, наливая в свою чашку чай. — Семьсот двадцать часов. Тебе предстоит вспомнить всё, что с тобой произошло за это время. И это будут не самые приятные воспоминания. К сожалению, это совершенно необходимо. Для нас, для дела. — Он помолчал. — Для тебя.

Ольга молчала. Константин Матвеевич едва заметно нахмурился и спросил:

— Ты хоть немного представляешь себе, что произошло с тобой?

Он не сводил с неё напряженного взгляда.

— Да. Мне рассказывал Фрол. О том, как исчезают люди, а потом на их месте находят *объекты*... — последнее слово далось Ольге нелегко, но она внутренне похвалила себя за то, что проговорила его, не позволив голосу сорваться.

— Всё верно. Иногда, очень редко, находят людей, которые вернулись. Иногда находят тех, кто просто остался жив, — мужчина помедлил, — им не повезло. Мы стараемся собрать всю информацию, какую только можем. И тут передо мной — мыслящий, живой, говорящий человек, побывавший там, откуда возвращаются обрубками тел с выжженными мозгами. Зачастую такие, — он поискал слово, — *...особи* оказываются неспособными к продолжительной жизнедеятельности. Очень часто они заражены некими психическими *вирусами*. Их приходится изолировать, причём нередко глубоко под землёй, поскольку попасть под их влияние можно в радиусе нескольких десятков метров. — Мужчина откинулся на спинку кресла. — Но у тебя совсем другая история. Мне просто не терпится узнать, в чём же твой секрет.

Ольге было нечего сказать. Повисло молчание, затем девушка всё же спросила:

— Когда вы получите от меня все ответы, вырвете из моей памяти ценные сведения, изучите тайну моего исчезновения, вы отпустите меня? И что мне дальше делать? Ведь у меня теперь никого нет. — Ольга начала говорить громко, но потом произносила слова всё тише и тише, пока вовсе не смолкла.

Мужчина глубоко вздохнул. Он был почти уверен, что девушка, сидящая перед ним в кресле с серебряной чашкой в руках, не доживёт до окончания расследования. Семьсот двадцать часов — это слишком много. Даже сто часов, вероятно, навсегда искажают психику. Ничто не смогло бы подготовить Ольгу к тому, что ей предстояло вспомнить. Константин Матвеевич знал, что он, по сути, будет *медленно убивать* совсем ещё юную девушку, заставляя её шаг за шагом погружаться в ад, где не действуют привычные для земного со-

знания законы. Но всегда оставалась надежда. Он не хотел отвечать Ольге либо собирался сплести ей какую-нибудь замысловатую бессмыслицу, дескать, перед ней распахнутся все двери... Он сидел и смотрел на неё, мысленно отсчитывая секунды. Ольга держала серебряную чашку. Горячий чай был для неё сейчас настоящим сокровищем, и казалось, девушка была полностью поглощена им.

Константин Матвеевич не заметил, как его бесстрастный отсчёт секунд превратился в откровенное любование собеседницей. Вот она касается губами кромки чашки, легко, невесомо приподнимает её своими изящными пальчиками. Вот она почувствовала вкус чая. К её щекам возвращается цвет, исстает нервное напряжение. Как мало ей надо, чтобы снова стать самой собой! Девушка ставит чашку на блюдце, приподнимает глаза и уже окрепшим голосом спрашивает, не отводя глаз:

— После изучения этих *семисот двадцати часов* я буду свободна? — И в её взгляде сквозит почти детская наивность, чистое и безусловное желание получить то, что она называет *свободой*. Девушка моргает, её веки движутся медленно-медленно. Кажется, что время почти остановилось: взмах её ресниц длится и длится... Он продолжает смотреть на неё, словно позабыв, что хотел сказать.

— Поймите, — говорит она, — чтобы преодолеть все ужасы исследования, мне нужно хотя бы знать, что со мной будет, — говорит Ольга, и в её голосе сквозит боль. Она едва заметно прикусывает нижнюю губу. И каждое её движение искренне, неподдельно. В эти мгновения в сознании Константина Матвеевича происходит катастрофа, звучат чьи-то суровые слова: “Она должна умереть”...

Он вскакивает со стула, прикрывает глаза ладонью и обрушивает на Ольгу, словно гранитные плиты:

— Тебя ждёт смерть, — он не смотрит на неё, он не может вынести того ужаса, который она должна будет сейчас испытать. Стиснув зубы, он молча ждёт ответа. Она говорит:

— И у меня нет шанса спастись? Совсем?

Она спрашивает его об этом обыденным голосом, рассудительно и спокойно. Константин Матвеевич опускается перед ней на колени и берёт её ладони в свои:

— Шанс есть. Но тебе придётся быть очень сильной, негибаемой, непробиваемой. И отсрочить мы ничего не можем. У нас почти не осталось времени на поиски ответов.

Ольга наклоняется к нему поближе и, глядя в его серые печальные глаза, говорит:

— Я буду твёрдой, как камень, — она крепко сжимает его руки, — но и от вас потребую того же. Вы готовы?

Константин Матвеевич отрывисто кивает, на лбу его проступает испарина. Ему придётся доставить этой девушке страдания, такие, каких она, сейчас такая храбрая, даже не представляет себе, краешком сознания полагая всё же, что это *такая игра*. И в его голове повисает вопрос: “А готов ли я?”